

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации <http://www.srji.org/resources/search/118/>. Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “ДОКУЕВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба № 6704/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

2 апреля 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

14 сентября 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Докуев и другие против России”,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Председатель Секции*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильманн,

Джордж Малинверни,

Георгий Николаи, *судьи*,

и Серен Нильсен, *секретарь Секции Суда*,

заседая 12 марта 2009 года за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (6704/03) против России в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) семью гражданами Российской Федерации, перечисленными далее (далее Заявители), 14 февраля 2003 года.

2. Заявителям была предоставлена правовая помощь (legal aid), и их интересы в Суде представляли юристы организации «Правовая инициатива по России», НПО с центральным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляли г-н П.Лаптев и г-жа В. Милинчук, бывшие Представители Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, что их родственник исчез после того, как был задержан военными в Чечне 14 февраля 2001 года. Они поднимали жалобы по Статьям 2, 3, 5, 6, 8, 13 и 34 Конвенции.

4. Решением от 29 ноября 2007 года Суд признал жалобу приемлемой.

5. Так как после консультаций со сторонами Палата приняла решение не проводить слушаний по существу дела (Правило 59 § 3 *мелким шрифтом*), стороны дали письменные ответы на замечания друг другу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявителями являются:

- 1) Г-н Вахит Абдурашидович Докуев, 1947 года рождения
- 2) Г-жа Зина Абдулаевна Докуева, 1952 года рождения
- 3) Г-жа Имани Рамзановна Макаева, 1983 года рождения
- 4) Г-жа Рукият Вахитовна Докуева, 1972 года рождения
- 5) Г-жа Макка Вахитовна Докуева, 1983 года рождения
- 6) Г-н Хаваж Абдурашидович Докуев, 1951 года рождения
- 7) Г-жа Хеда Хаважовна Докуева, 1978 года рождения.

Заявители проживают в селе Новые Атаги, Чеченская Республика.

7. Первый и второй заявители являются родителями Магомеда Докуева, 1977 года рождения. Третий заявитель является женой Магомеда Докуева, с которым у нее имеется сын, 2000 года рождения. Четвертый и пятый заявители приходятся сестрами Г-ну Магомеду Докуеву, а шестой и седьмой заявители приходятся ему дядей и двоюродной сестрой.

8. Семья Докуевых проживает в селе Старые Атаги, в доме номер 4 по улице Подгорной. Их домовладение состоит из двух домов и общего двора. Первые пять заявителей и Г-н Магомед Докуев проживали в одном доме. Другой дом принадлежит шестому заявителю и его семье.

9. Магомед Докуев окончил школу в 1994 году, после чего он начал учиться на переводчика с английского и арабского языков. Получение им высшего образования было прервано первой и второй чеченскими кампаниями. Ему не удалось устроиться на работу, требовавшую полной занятости.

А. Арест и задержание Г-на Магомеда Докуева и Г-на Вахита Докуева

1. Позиция заявителей

10. 14 февраля 2001 года, около 6 часов утра, два бронетранспортера (БТР) и автомобиль Урал с неясными номерными знаками подъехали к дому Докуевых. Магомед Докуев, его отец, жена и две сестры (первый, третий, четвертый и пятый заявители) находились в это время дома. Второго заявителя, матери Магомеда Докуева, в этот день дома не было. Большая группа, состоявшая из более чем 20 солдат, в камуфляже и с оружием, практически каждый из которых был в маске, ворвались в дом. Они обратились к первому заявителю и попросили его паспорт. Они также обратились непосредственно к самому Магомеду Докуеву подтвердить его личность. При этом они не попросили его предъявить документы. После этого солдаты разрешили первому заявителю одеться, в то время как они не разрешили его сыну надеть обувь или даже носки. Обоих мужчин вывели во двор дома, в то время как женщинам и детям было приказано оставаться в доме. Во дворе солдаты начали избивать и наносить удары Магомеду Докуеву ногами и прикладами оружия. Когда Заявитель номер один попытался вмешаться, солдаты стали также избивать его и приказали ему стоять прямо, лицом к стене.

11. Шестой и седьмой заявители находились в это время у себя дома и стали свидетелями задержания Магомеда и Вахита Докуевых. Шестой заявитель проснулся от шума, вышел во двор, и солдаты заставили его лечь на землю лицом вниз, в то время как производилось задержание его брата и племянника.

12. После этого первого заявителя и его сына усадили в БТР, припаркованный позади дома. Первый заявитель слышал звуки второго БТР, ехавшего за ними и предположил, что их повезли в направлении дороги Грозный - Шали. Во время нахождения в БТР, задержанным было запрещено разговаривать или смотреть по сторонам. Примерно через час транспортные средства остановились и задержанных вывели наружу. На них надели наручники, им повязали повязки на глаза. Несмотря на это первому заявителю удалось рассмотреть военные палатки, расположенные вокруг. Позднее он слышал, как приземлялись и взлетали вертолеты, а также звуки утренней зарядки, что убедило его в том, что он находился на большой военной базе, скорее всего, в Ханкале.

13. Первого заявителя швырнули на землю внутри одной из палаток, и ему было слышно, как его сын и другие кричали в соседней палатке. Он понял, что их избивали и пытали. Пока он лежал на полу, солдаты, которые зашли в палатку, несколько раз пинали его, называли его «ваххабитом» и «бандитом». Первый заявитель сказал им о том, что он честный человек, и что он работает строителем. Через некоторое время солдаты разрешили ему принять более удобное положение, и надели наручники на руки спереди. Они сказали ему о том, что ему будет разрешено попрощаться с сыном, который был «бандитом» и будет расстрелян. Обоим задержанным было разрешено кратко поговорить по-русски в присутствии солдат, которые угрожали застрелить их обоих, если они начнут говорить на чеченском языке. Во время встречи у первого заявителя оставалась повязка на глазах. Он мог только слышать голос своего сына, который сказал ему, что он ничего плохого не делал, после чего попрощался. После этого Магомеда Докуева увели. Приблизительно в час ночи один из солдат сказал первому заявителю, что тот невиновен, и что его освободят. Позднее ему развязали руки, но его ноги по-прежнему оставались связанными.

14. 15 февраля 2001 года, около 9 часов утра, первого заявителя, с повязкой на глазах, усадили в БТР и куда-то быстро перевезли. Там его перевели в другое транспортное средство, скорее всего, в автомобиль УАЗ, в котором находились еще два человека. Заявителя заставили залезть под сиденье. Приблизительно через час езды, во время которой автомобиль дважды останавливали на контрольно-пропускных пунктах и похитители говорили о том, что «в машине только русские», автомобиль остановился. Похитители вывели первого заявителя наружу и помогли ему залезть в здание через разбитое окно. Они приказали ему не двигаться в течение 10 минут, после чего машина уехала.

15. После того, как первый заявитель снял повязку, он понял, что находится на развалинах пивоварни, расположенной между селами Шали и Новые Атаги. Он выбрался из здания, остановил машину и вернулся домой в тот же самый день. Там он узнал о том, что он и его сын были единственными задержанными в селе в тот день, и что его сын не вернулся домой. С тех самых пор у семьи не было никаких известий о Г-не Магомеде Докуеве.

2. Позиция Государства

16. Правительство утверждало, что по данным Генеральной прокуратуры, 14 февраля 2001 года примерно в 6 часов неустановленные лица в камуфлированной одежде и масках, вооруженные автоматическим оружием, в сопровождении бронетехники из дома №4 по улице Подгорная села Новые Атаги Шалинского района ЧР увезли в неизвестном направлении первого заявителя и его сына, Г-на Магомеда Докуева. На следующий день первый заявитель был отпущен, местонахождение Г-на Магомеда Докуева, второго похищенного лица до настоящего времени не установлено.

В. Поиски Г-на Магомеда Докуева и расследование

1. Обращения в государственные инстанции

17. По словам заявителей, начиная с 16 февраля 2001 года, первый заявитель и другие члены семьи стали вести поиски г-на Магомеда Докуева. Они обращались как лично, так и посредством письменных обращений в различные официальные органы для установления местонахождения и участия г-

на Магомеда Докуева. У заявителей сохранились копии нескольких поданных ими жалоб, которые они предоставили в Суд. В частности, они обращались с жалобами 5 июля и 7 июля и 24 декабря 2001 к прокурору Чечни; 7 июля 2001 года в военную прокуратуру воинской части №20116, а также 7 июля и 5 сентября 2001 года к Специальному Представителю Президента России в Чечне по правам человека и в районную прокуратуру г. Шали 13 апреля 2002 года.

18. 16 февраля 2001 года первый заявитель отправился в Гудермес, где обратился с жалобой на задержание своего сына к Главе Администрации Чечни, Г-ну Ахмаду Кадырову. Среди органов государственной власти, в которые обратились заявители сразу после задержания г-на Магомеда Докуева, были органы внутренних дел, военные командующие, Федеральная Служба Безопасности, (ФСБ) гражданские и военные прокуроры различных уровней, а также органы власти и управления.

19. В ответ на свои обращения заявители практически не получили какой-либо имеющей значение информации относительно участи их близкого родственника и проводимого расследования. Несколько раз им направлялись копии писем, в которых указывалось, что их запросы были направлены на рассмотрение в различные органы прокуратуры. В частности, 28 мая 2001 года прокуратура Чеченской Республики направила жалобу первого заявителя в отношении ареста его сына для рассмотрения в прокуратуру Шалинского района. 5 августа 2001 года жалоба первого заявителя была направлена на рассмотрение в военную прокуратуру воинской части №20116. 23 августа 2001 года Генеральная Прокуратура Российской Федерации направила письмо первого заявителя о похищении его сына на рассмотрение в прокуратуру Чеченской Республики. 31 августа 2001 года прокуратура Чеченской Республики направила письмо первого заявителя о поисках его сына для рассмотрения в прокуратуру Шалинского района. 4 февраля и 20 мая 2002 года Управление Генеральной прокуратурой в Южном Федеральном округе направила обращение первого заявителя в прокуратуру Шалинского района.

20. В начале апреля 2001 года к заявителям обратился человек, который сказал о том, что есть молодой человек, который был задержан вместе с Г-ном Магомедом Докуевым. Первый и второй заявители встретились с этим молодым человеком, имя которого им не было известно. Он передал им носовой платок Г-на Магомеда Докуева и шнурок от его кожаной куртки. Он сказал им о том, что содержался вместе с Г-ном Магомедом Докуевым на протяжении нескольких недель, в начале на военной базе в Ханкале, и затем недалеко от поселка Новогрозный в горах. Он рассказал о том, что их содержали в ужасных условиях, в глубокой и узкой земляной яме, их регулярно избивали и пытали электрическим током. Им практически не давали никакой еды. После того, как их привезли в район поселка Новогрозный, им сказали, что их обменяют на русского офицера, захваченного боевиками. После этого солдаты сказали им о том, что они были в слишком плохой физической форме для проведения обмена, и дали им лекарство, которое, якобы, поможет восстановить их силы. После принятия указанных таблеток или раствора оба задержанных сильно заболели, у них началась рвота, они потеряли сознание. После того как молодой человек пришел в себя, он обнаружил Г-на Магомеда Докуева без признаков жизни. Он позвал солдат, и через некоторое время они унесли его тело. Молодой человек слышал, как БТР отъехал и вернулся, а также слышал, как солдаты говорили о захоронении Докуева. Он также слышал о том, как они говорили о завершении миссии и возвращении назад в Ставрополь. Заявители убеждены в правдивости данных показаний, так как указанный молодой

человек знал их имена и адрес, в то время как они его самого не знали, и предположили, что данную информацию он получил от их сына.

21. Первый заявитель нашел военную базу в Новогрозном, которая в течение некоторого времени была укомплектована военнослужащими из Ставрополя. Однако ему не удалось найти дополнительной информации о судьбе своего сына или месте его предполагаемого захоронения.

22. 22 октября 2001 года следователь Шалинской районной прокуратуры проинформировал первого и второго заявителей о том, что в связи с поданными ими жалобами, прокуратурой было возбуждено 12 августа 2001 года уголовное дело №231777 по признакам состава преступления, предусмотренного ст.126 ч. 2 УК РФ (похищение). Заявители будут проинформированы о результатах расследования.

23. 10 декабря 2001 года первый заявитель обратился к депутату Государственной Думы от Чеченской Республики с подробным письмом, в котором он изложил информацию об аресте его сына, его исчезновении и вероятной смерти во время нахождения под стражей. В письме говорилось о том, что местность, в которой Магомед Докуев был захоронен, все еще находится под контролем военных, туда имеется ограниченный доступ. Заявитель просил помощи в поисках останков его сына и их эксгумации для проведения надлежащих похорон. 15 февраля 2002 года данное письмо было переправлено в Генеральную Прокуратуру и 14 июня 2002 года в прокуратуру Чеченской Республики.

24. 31 декабря 2001 года военный прокурор воинской части №20116 направил письмо первого заявителя в Шалинскую районную прокуратуру и указал, что военная прокуратура не имеет соответствующей юрисдикции по данному вопросу, так как участие военнослужащих в похищении не подтверждается вещественными доказательствами.

25. 26 марта 2002 года Управление Генеральной Прокуратуры Российской Федерации в Южном Федеральном Округе направило ответ первому заявителю о том, что 12 августа 2001 года Шалинской районной прокуратурой было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 126 ч.2 УК РФ. 12 октября 2001 года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с не установлением виновных в совершении преступления. В письме также указывалось, что продолжаются мероприятия, направленные на установление виновных и местонахождение пропавшего без вести лица.

26. 26 февраля 2003 года Шалинский городской суд признал Магомеда Докуева пропавшим без вести.

27. Арест Магомеда Докуева и его исчезновение были указаны в докладе Хьюман Райтс Вотч «Без вести задержан: продолжающиеся исчезновения в Чечне», опубликованном в апреле 2002 года, а также в докладе Правозащитного Центра «Мемориал» «Антитеррористическая операция», опубликованном в октябре 2002 года.

2. Ход следствия

28. Государство представило следующую информацию о ходе расследования.

29. 12 августа 2001 года прокуратурой Шалинского района было возбуждено уголовное дело №23177 о похищении Г-на Магомеда Докуева 14 февраля 2001 года.

30. 20 августа 2001 года первый заявитель был допрошен и признан потерпевшим по делу.

31. 6 сентября 2001 года шестой заявитель был допрошен.

32. 12 октября 2001 года уголовное дело было приостановлено в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению к делу в качестве обвиняемых.

33. 24 апреля 2002 года прокуратура Чеченской Республики отменила постановление о приостановлении расследования. Первый заявитель соответствующим образом уведомлен.

34. 24 мая 2002 года уголовное дело было приостановлено в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Первый заявитель соответствующим образом уведомлен.

35. 5 ноября 2002 года прокуратура Чеченской Республики отменила постановление о приостановлении расследования.

36. 17 ноября 2002 года первый заявитель был уведомлен о возобновлении расследования.

37. 16 декабря 2002 года уголовное дело было еще раз приостановлено в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению к делу в качестве обвиняемых. Первый заявитель был соответствующим образом уведомлен.

38. 20 января 2004 года прокуратура Чеченской Республики отменила постановление о приостановлении расследования.

39. 3 февраля 2004 года первый заявитель был уведомлен о возобновлении расследования.

40. 18 февраля 2004 года первый заявитель был еще раз допрошен.

41. 19 февраля 2004 года шестой заявитель был вновь допрошен.

42. 20 февраля 2004 года четвертый заявитель был допрошен.

43. 3 марта 2004 года уголовное дело было еще раз приостановлено в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению к делу в качестве обвиняемых. Первый заявитель был соответствующим образом уведомлен.

44. 21 октября 2005 года прокуратура Чеченской Республики отменила постановление о приостановлении расследования. В этот же день первый заявитель был уведомлен о возобновлении расследования и допрошен. Второй заявитель получил статус потерпевшего по уголовному делу и допрошен. Также допросили соседей заявителей: И.Д., З.Х., и Х.К.

45. 25 октября 2005 года первый заявитель был допрошен. В соответствии с протоколом допроса, он показал, в частности, что не подавал жалобу в Суд (см. параграф 51 ниже).

46. 26 октября 2005 года пятый заявитель был допрошен. В соответствии с протоколом допроса, он подтвердил свои ранние показания о событиях 14 февраля 2001 года и показал, в частности, что не подавал жалобу в Суд (см. параграф 53 ниже). Первый заявитель также был допрошен в этот день.

47. 21 ноября 2005 года уголовное дело было еще раз приостановлено в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению к делу в качестве обвиняемых. Первый заявитель соответствующим образом был уведомлен в этот же день.

48. 16 января 2006 года прокуратура Шалинского района отменила постановление о приостановлении расследования.

49. 22 января 2008 года первый заявитель был вновь допрошен. Он подтвердил свои ранние показания.

50. Проведенным расследованием установить местонахождение Магомеда Докуева не удалось. В компетентных органах следствием неоднократно запрашивалась информация об оперативно-розыскных мероприятиях,

выполнялись иные действия для раскрытия преступления. Соответствующие запросы и поручения направлены 30 августа 2001 года, 17 ноября 2002 года, 18 февраля 2004 года и 25 октября 2005 года. Однако причастность военнослужащих к совершению преступления к настоящему времени подтверждения не нашла. В частности, согласно результатам расследования 16 января 2006 года Объединенная группировка войск (сил) и Временная объединенная группировка органов и подразделений МВД известили следствие, что 14 февраля 2001 года никакие спецоперации в селении Новые Атаги не проводились. Г-н Магомед Докуев не содержался в местах, предназначенных для лиц, подозреваемых в совершении преступления, и не подвергался административному аресту. По информации Министерства внутренних дел и отдела Управления ФСБ первый заявитель или Г-н М. Докуев ими не задерживался. Начальники трех тюрем предварительного заключения в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае также подтвердили, что последний у них не содержался. Расследование продолжалось.

С. Предполагаемое вмешательство в право на подачу индивидуальной жалобы.

51. Согласно протоколу допроса первого заявителя от 25 октября 2005 года, он показал следующее:

“...Непосредственно я или члены моей семьи в Европейский Суд по правам человека не обращались. В 2001 и 2002 году я обращался в правозащитные организации нашей республики, в том числе «Мемориал» и организацию по правам человека в Чеченской Республике... Я хочу пояснить, что [третий и пятый заявители] так же в Европейский Суд не обращались”.

52. Протокол допроса был подписан первым заявителем и содержал отметку, что протокол прочитан заявителем, и что «с моих слов записано верно». Согласно первому заявителю, он не читал протокол допроса, и следовательно не зачитывал этот документ. Однако он подписал его, так как доверял следователю, который был «родственником его соседа».

53. Согласно протоколу допроса пятого заявителя от 26 октября 2005 года, она показала следующее:

“...Лично я не никуда не обращалась и заявления не подавала, так же в европейский суд по правам человека не обращалась. Поисками моего брата занимался наш отец. Писал ли он в какие-нибудь организации по поводу похищения Магомеда Докуева, мне неизвестно”.

54. Протокол допроса был подписан пятым заявителем и содержал отметку, что протокол прочитан и «с моих слов записано верно».

55. Протоколы допросов были представлены Правительством вместе с Меморандумом после коммуникации данной жалобы Судом. В Меморандуме Правительство требовало исключить данную жалобу из списка жалоб, так как она является «фальсификацией». В своем ответе на замечания Правительства, заявители подтвердили, что выдали доверенности своим представителям на ведение их дела в Суде. В решение о приемлемости жалобы от 29 ноября 2007 года Суд отклонил возражение Правительства.

56. 7 февраля 2006 года первый заявитель пожаловался в Генеральную прокуратуру на действия следователя К., который допрашивал его в октября 2005 года. Он заявил, что не утверждал, что не подавал жалобу в Суд и что следователь сфальсифицировал протокол допроса. Он указал, в частности, что ему не задавали вопросов о подаче жалобы в Европейский Суд, и, следовательно, он не мог дать отрицательный ответ. Первый заявитель отметил,

что его допрашивали в присутствии жены, второй заявительницы, и что она может подтвердить его показания.

57. 10 марта 2006 года первый заявитель был уведомлен о том, что его жалоба передана для рассмотрения в прокуратуру Чеченской Республики.

58. 12 апреля 2006 года из прокуратуры ЧР ответили на обращение первого заявителя, в нем говорилось, в частности, следующее:

“21 и 26 октября 2005 года следователем прокуратуры Шалинского района К. Вы были допрошены в качестве свидетеля по обстоятельствам [похищения Магомеда Докуева]. Как следует из протоколов допросов, вопросы о подаче Вами жалобы в Европейский Суд по правам человека следователем не задавались, равно, как и Вами пояснений по данному поводу не давалось. Как в первом, так и во втором протоколе указано, что изложенные показания Вам были прочитаны вслух следователем, после чего протоколы допросов подписаны Вами в полном объеме. Протоколы допросов составлены в соответствии с требованием УПК РФ”.

D. Запрос информации

59. Не смотря на специальный запрос Суда, Правительство не представило копии материалов уголовного дела №23177, а подало только копии постановлений о приостановлении и возобновлении расследования и постановления о признании потерпевшими, и протоколы допросов первого и пятого заявителей. Ссылаясь на информацию, полученную из Генеральной прокуратуры, Правительство утверждает, что расследование продолжается и что предоставление в Суд всех материалов уголовного дела противоречит требованию статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ, поскольку в материалах дела имеются сведения, содержащие военную тайну, которые позволяют установить дислокацию и характер действий воинских специальных формирований.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

60. См. обобщенное изложение применимых норм национального законодательства в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007 г.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

61. Правительство утверждает, что жалоба должна быть признана неприемлемой, так как средства внутригосударственной защиты не являются исчерпанными, пока расследование по похищению Г-на Магомеда Докуева не завершено. Оно также оспаривало приемлемость жалобы, так как заявители не обращались в суд по вопросу обжалования действий официальных лиц и процессуальных решений по данному уголовному делу или в связи с признанием Г-на Магомеда Докуева пропавшим без вести, однако, они не использовали возможность использования этого средства защиты.

62. Заявители оспаривали это возражение. По их мнению, факт того, что расследование по делу продолжалось на протяжении семи лет без какого-либо ощутимого результата подтверждает неэффективность имеющихся средств правовой защиты. Они также утверждали, что в Чеченской Республике обжалование постановлений следователей в рамках судопроизводства как средство правовой защиты является иллюзорным, неадекватным и неэффективным.

В. Оценка Суда

63. В настоящем деле Суд не принимал никакого решения об исчерпании внутренних средств защиты на стадии приемлемости, так как этот вопрос был слишком тесно связан с существом дела. Теперь Суд продолжит исследовать аргументы сторон в свете положений Конвенции и его актуальной практики (см. *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 73-74, 12 October 2006).

64. Суд повторяет, что Статья 35 § 1 Конвенции предусматривает распределение бремени доказывания. Правительству надлежало дать удовлетворительное объяснение Суду, что указанные средства были эффективными как в теории, так и на практике, то есть доступными, способными привести к исправлению жалоб заявителей и предполагающими разумные шансы на успех (см. *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 76, ECHR 1999-V, и *Mifsud v. France* (dec.), no. 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII).

65. Что касается довода Правительства, относительно отказа заявителей подать ходатайство о признании Г-на Магомеда Докуева пропавшим без вести, Суд отмечает, что Правительство не представило данные о том, как такой процесс мог бы обеспечить заявителям соответствующее возмещение. Следовательно, Суд находит, что Правительство не доказало, что средство, которым заявители предположительно отказались воспользоваться, было действительно эффективным (см., среди прочего, *Kranz v. Poland*, no. 6214/02, § 23, 17 February 2004, and *Skawinska v. Poland* (dec.), no. 42096/98, 4 March 2003). Таким образом, предварительное возражение Правительства в этой части отклоняется.

66. Суд отмечает, что следствие по делу об исчезновении Магомеда Докуева продолжается с 12 августа 2001 года. Мнения заявителей и Правительства об эффективности следствия расходятся.

67. Суд считает эту часть предварительных возражений Правительства вызывающей сомнения с точки зрения эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявителей. Поэтому Суд полагает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

68. Заявители жаловались по Статье 2 Конвенции, что член их семьи исчез после задержания российскими военнослужащими, и что национальные власти не выполнили эффективного расследования этого случая. Согласно Статье 2:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа. ”

А. Предполагаемое нарушение права на жизнь Магомеда Докуева

1. Доводы сторон

69. Заявители повторили свою жалобу и утверждали, что их родственник был задержан государственными служащими, и может считаться мертвым в отсутствии каких-либо достоверных сведений о нем в течение нескольких лет.

70. Правительство ссылалось на то, что следствие не обнаружило никаких доказательств того, что данный человек был мертв, или что представители федеральных сил были вовлечены в его похищение или предполагаемое убийство. В частности, в указанные даты никакие спецоперации в селении Новые Атаги не проводились.

2. Оценка суда

(а) Общие принципы

71. Суд повторяет, что в свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, он должен подвергать все случаи лишения жизни особенно тщательному изучению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении, и обязанность властей держать ответ за обращение с задержанным должна исполняться с особой строгостью в случае смерти или исчезновения такого лица (см., помимо прочего, *Orhan v. Turkey*, №. 25656/94, § 326, 18 июня 2002 г., и цитируемые там постановления). Когда информация об оспариваемых событиях целиком или главным образом относится к исключительному ведению государства, как в случае пребывания задержанного лица под контролем властей, возникают основания для определенных предположений относительно причин телесных повреждений или смерти, наступивших в период содержания под стражей. В таком случае можно считать, что бремя предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения должно быть возложено на государство (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

(b) Установление фактов

72. Суд отмечает, что он разработал множество основополагающих принципов, связанных с установлением фактов, которых необходимо придерживаться при расследовании, в частности в случае, когда имеет место предположение об исчезновении по Статье 2 Конвенции (общие положения — см. *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, §§ 103-109, 27 июля 2006). Также Суд отмечает, что поведение сторон при получении свидетельских показаний должно быть принято к сведению (см. *Ireland v. the United Kingdom*, указано выше, § 161).

73. Заявители утверждали, что вне разумных сомнений вооруженные люди, ворвавшиеся в их дом и забравшие Г-на Магомеда Докуева, были

представителями Государства. Все заявители, кроме второго заявителя, были очевидцами задержания. Кроме того, первый заявитель сам был задержан теми же самыми людьми, но позднее его пустили, и он описал обстоятельства его ареста и освобождения. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из отказа Правительства представить запрошенные Судом документы.

74. Правительство утверждало, что 14 февраля 2001 года неустановленные вооруженные люди в камуфляже и масках, сопровождаемые бронетехникой, забрали Г-на Магомеда Докуева и первого заявителя из их дома и увезли в неизвестном направлении. Первый заявитель был освобожден на следующий день, а местонахождение Г-на Магомеда Докуева установлено не было. Далее оно указало, что расследование по данному случаю не было закончено и не было найдено явных признаков того, вооруженные люди были агентами Государства. Соответственно, не было оснований для того, чтобы возложить ответственность за данные события на Государство. Правительство особенно отметило, что нельзя полагаться на информацию, предположительно предоставленную Х., поскольку его личность не была установлена, и не было даже достоверно известно, существовал ли он. Оно также утверждало, что не было убедительных улик смерти Магомеда Докуева, что подтверждалось неустановленным местонахождением и тем, что тело его не было найдено.

75. Суд обращает внимание на тот факт, что, несмотря на его неоднократные запросы, копии дела о похищении Г-на Магомеда Докуева, Правительство ему не предоставило. Правительство ссылалось на Статью 161 УПК. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал данное объяснение неудовлетворительным в качестве оправдания отказа в предоставлении ключевой информации, затребованной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-...).

76. В свете вышеизложенного и принимая во внимание вышеупомянутые принципы, Суд считает, что он может сделать выводы из действий Правительства в этом отношении. Суд считает, что заявители представили ясную и убедительную картину похищения их родственника 14 февраля 2001 года. Шесть заявителей были свидетелями событий, и первый заявитель сам был задержан данными людьми, но освобожден на следующий день. Заявители утверждали, что поведение преступников было похоже на спецоперацию: они проверили паспорта и использовали бронетехнику, которую не могут использовать боевики. Кроме того, согласно показаниям первого заявителя, хотя у него на глазах была повязка, после того как его вывели из БТР, он смог увидеть через просветы в повязке, что вокруг были военные палатки. Он также слышал звук поднимавшихся и приземлявшихся вертолетов, а также голос своего сына из близлежащей палатки. В своих обращениях к властям заявители постоянно указывали на то, что их родственник был похищен неопознанными военными и просили следователей проверить эту версию.

77. Суд считает тот факт, что вооруженные люди в униформе передвигались на бронетехнике большой группой и свободно проезжали блокпосты, а также арестовали и увели из дома двух человек, убедительно подтверждающим версию заявителей о том, что это были государственные военнослужащие. Суд также отмечает, что следствие в течение семи лет не привело ни к каким значимым результатам.

78. Суд замечает, что в случаях, когда заявитель представляет доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, и Суд не может сделать выводов о фактах дела вследствие отсутствия таких документов, Правительство должно представить доказательства того, что рассматриваемые

документы не могут служить, чтобы подтвердить утверждения, сделанные заявителями, или обеспечивать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как рассматриваемые события произошли. Бремя доказательства, таким образом, переходит к Правительству, и если оно терпит неудачу в своих аргументах, возникнут вопросы по Статье 2 и/или Статье 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 May 2005; *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

79. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что их родственник был задержан государственными служащими. Утверждение Правительства, что следствие не нашло никаких доказательств причастности спецслужб к похищению, недостаточно, чтобы освободить их от вышеупомянутого бремени доказательства. Принимая во внимание документы, представленные сторонами, и делая вывод из непредставления Правительством документов, находящихся в его исключительном владении, или каких-либо иных правдоподобных объяснений произошедших событий Суд, полагает, что Г-н Магомед Докуев был арестован в его доме в селе Новые Атаги 14 февраля 2001 года государственными служащими в ходе секретной специальной операции.

80. Далее Суд должен решить, может ли Г-н Магомед Докуев считаться умершим. Суд полагает в этой связи, что не может рассматривать показания Г-на Х., до тех пор, пока, как указало Правительство, его личность не установлена и информация, касающаяся его показаний, представлена с чужих слов. Тем не менее, другие доказательства, имеющиеся в распоряжении Суда, позволяют заключить, что Г-н Магомед Докуев должен считаться умершим. В частности, никакой достоверной информации о Г-не Магомед Докуеве не было с 14 февраля 2001 года. Его имя не было обнаружено ни в одном официальном отчете ни одного места заключения. Наконец, Правительство не предоставило никакого объяснения, что случилось с ним после его задержания.

81. Принимая во внимание рассмотренные ранее дела об исчезновении людей в Чечне (см., например, *Imakayeva*, цит. выше, и *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-...), Суд считает, что в контексте конфликта в Чеченской Республике, ситуацию, когда кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, можно рассматривать как угрожающую жизни. Отсутствие Г-на Магомеда Докуева или каких-либо известий о нем в течение семи лет подтверждает это предположение. Кроме того, Правительство не смогло предоставить исчезновению Г-на Магомеда Докуева никакого объяснения, а официальное расследование его похищения, продолжающееся в течение семи лет, не дало никаких видимых результатов.

82. Поэтому Суд считает установленным, что 14 февраля 2001 года Г-н Магомед Докуев был задержан Государственными военнослужащими, и что он должен быть признан умершим после его безвестного задержания.

(с) Соблюдение Государством Статьи 2

83. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others*

v. the United Kingdom, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147, и *Avşar v. Turkey*, №25657/94, § 391, ECHR 2001-VII (выдержки)).

84. Судом уже установлено, что родственника заявителей следует считать умершим после его безвестного задержания военными федеральных сил. Отмечая, что Правительство не приводит никаких оснований для применения его агентами силы, повлекшей лишение жизни, следует признать, что ответственность за предполагаемую смерть родственника заявителей должна быть возложена на Правительство.

85. Поэтому Суд делает вывод, что в отношении Г-на Магомеда Докуева имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

В. Предполагаемая неадекватность расследования обстоятельств похищения

1. Аргументы сторон

86. Заявители утверждали, что расследование данного дела не было незамедлительным и эффективным, как того требует практика Суда на основании Статьи 2. В частности, оно было открыто через 6 месяцев после исчезновения Г-на Магомеда Докуева и являлось неоконченным в течение более чем семи лет без какого-либо ощутимого результата, многократно приостанавливалось и возобновлялось.

87. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственников заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, равно как и были предприняты все предусмотренные национальным законодательством меры для установления исполнителей преступления.

2. Оценка, данная Судом

88. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции, истолкованная в совокупности с общим правилом Статьи 1 Конвенции: «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», означает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование в какой-либо форме всех случаев гибели людей в результате применения силы (см., *mutatis mutandis*, *McCann and Others*, цит. выше, стр. 49, § 161, и *Kaya v. Turkey*, постановление от 19 февраля 1998 г., *Reports* 1998-I, стр. 324, § 86). Главная цель такого расследования - обеспечить фактическое исполнение государственных законов, защищающих право на жизнь, а в случае причастности агентов или органов Государства гарантировать привлечение их к ответственности за смерть, наступившую по их вине. Такое расследование должно быть независимым, обеспечить родственникам жертвы доступ к следственным процедурам, оно должно быть начато незамедлительно и проведено в разумные сроки, оно должно быть эффективным в том смысле, чтобы с его помощью можно было установить, было ли оправдано применение силы в обстоятельствах дела или же применение силы было незаконным, а также оно должно в необходимой степени обеспечивать возможность общественного контроля над ходом следствия или его результатами (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, no. 24746/94, §§ 105-109, 4 мая 2001 г., и *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (dec.), no. 56413/00, 8 января 2002 года).

89. Суд сразу же отмечает, что Правительством не были предоставлены материалы уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были предоставлены заявителями, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

90. Обращаясь к фактам по делу, Суд отмечает, что, в соответствии с утверждениями заявителей, они обратились к властям с просьбой помочь в установлении местонахождения Г-на Магомеда Докуева через два дня после его задержания, то есть 16 февраля 2001 года. Правительство не опровергло эту информацию. Однако расследование не было открыто до 12 августа 2001 года, что составляет более 6 месяцев. Эта задержка, которой не было дано объяснения, сама по себе способна нанести ущерб расследованию такого преступления, как похищение при угрожающих жизни обстоятельствах, когда решающие действия должны быть предприняты в первые дни после происшествия.

91. Суд отмечает, что 20 августа 2001 года первый заявитель был признан потерпевшим по делу и допрошен. Однако после этого ряд ключевых действий по делу был отложен и, в конечном счете, они были продолжены только после состоявшейся коммуникации жалобы Судом Правительству или не были предприняты вообще. В частности, Суд отмечает, что четвертый заявитель был допрошен в первый раз 20 февраля 2004 года, то есть через три года после событий. Пятый заявитель и соседи заявителей были допрошены в первый раз в октябре 2005 года, что составляет более четырех лет после исчезновения Г-на Магомеда Докуева. Более того, информация от ОГВ(с) и Временной Объединенной группировки частей и подразделений МВД относительно специальных операций в селении Новые Атаги, равно как и ответы из тюрем Дагестана, Кабардино-Балкарии и Ставропольского края были получены только в 2006 году. Очевидно, что эти меры могли бы произвести какой-либо значимый результат, если бы были предприняты сразу же после того, как власти получили информацию о преступлении, и как только началось расследование.

92. Более того, из материалов, имеющих в распоряжении Суда, следует, что некоторые важнейшие действия не были предприняты вообще. Особенно важно, что место происшествия никогда не досматривалось. Не было рассмотрено и место, где первого заявителя высадили похитители 15 февраля 2001 года. По всей видимости, не было никаких попыток установить БТРы. И, наконец, очевидно, что третий и седьмой заявители никогда не были допрошены.

93. Суд полагает, что в настоящем деле следственные органы не только не выполнили свои обязательства действовать с образцовой старательностью и быстротой в отношении столь серьезного преступления (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 86, ECHR 2002-II), но и не провели самые элементарные следственные мероприятия.

94. Суд также отмечает, что хотя первый заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу, его информировали только о приостановлении и возобновлении расследования и не уведомляли о ходе расследования. Кроме того, второй заявитель была признана потерпевшей более чем через четыре года после совершившегося преступления. Из этого следует, что власти отказались обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием и гарантировать интересы ближайших родственников.

95. Наконец, Суд отмечает, что следствие несколько раз приостанавливалось и возобновлялось. Такое проведение расследования не

могло не сказаться негативно на перспективе установления исполнителей преступления и выяснении судьбы Г-на Магомеда Докуева.

96. В отношении предварительного возражения Правительства, которое было объединено с рассмотрением жалобы по существу, поскольку касается вопроса о том, что внутренне расследование еще продолжается, Суд отмечает, что расследование, неоднократно приостанавливавшееся и возобновлявшееся и подорванное необъяснимыми отсрочками, продолжалось в течение многих лет без каких бы то ни было видимых результатов. Соответственно, Суд считает, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, являлось в настоящих обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства в этой части.

97. Правительство также утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных следственными органами, в контексте исчерпания внутригосударственных средств защиты. Суд учитывает, что заявители, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными должным образом о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов в суде. Кроме того, расследование несколько раз возобновлялось самой прокуратурой вследствие необходимости дополнительных следственных мероприятий. Тем не менее, обращения заявителей так и не были рассмотрены должным образом. Более того, вследствие того, что с момента событий, в отношении которых поступила жалоба, прошло определенное количество времени, некоторые следственные мероприятия, которые следовало провести ранее, не могли принести видимых результатов. Таким образом, вызывает серьезные сомнения, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, могло дать какие-либо ощутимые результаты. Поэтому Суд считает, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, являлось в настоящих обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства и в этой части.

98. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Г-на Магомеда Докуева, в нарушение процессуальной части Статьи 2. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 2 в этой связи.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

99. Ссылаясь на Статью 3 Конвенции, заявители утверждали, что их родственник подвергался жестокому обращению во время ареста и, наиболее вероятно, подвергался пыткам во время содержания под стражей. Первый, второй и третий заявители также утверждали, что в результате исчезновения их родственника и не проведения государством добросовестного расследования этих событий они испытывали душевные страдания, что является нарушением Статьи 3 Конвенции. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию". "

100. Заявители подтвердили жалобу.

101. Правительство не согласилось с данными заявлениями и привело доводы, что расследование не установило того, что Магомед Докуев подвергся бесчеловечному или унижающему обращению, запрещенному Статьей 3

Конвенции. Правительство признало, что заявители должны были испытывать страдания в результате исчезновения их родственника. Однако пока причастность представителей Государства к похищению не установлена, Государство не может быть признано ответственным за их страдания.

А. Предполагаемое жестокое обращение с родственниками заявителей

1. Основные положения

102. Поскольку заявители жаловались на предполагаемое жестокое обращение с Магомедом Докуевым во время и после его задержания, Суд напоминает, что заявления о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами. Для оценки таких доказательств Суд руководствуется стандартом доказывания «вне сомнения на разумных основаниях», добавляя при этом, что таким доказательством может быть одновременное существование достаточно веских, ясных и согласованных логических умозаключений или сходных неопровергнутых предположений (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978 года, серия А №25, стр.64-65, § 161 *in fine*).

103. Суд повторяет, что «когда лицо обращается к властям с потенциально достоверной жалобой на жестокое обращение со стороны полиции в нарушение Статьи 3, это положение в сочетании с общей обязанностью Государства согласно Статье 1 Конвенции обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные ... Конвенцией, подразумевает проведение эффективного официального расследования» (см. *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 131, ECHR 2000-IV).

2. Предполагаемое жестокое обращение

104. Относительно жалоб на жестокое обращение к Г-ну Магомеду Докуеву, которому он подвергся в содержании, то Судом уже установлено, что он был задержан 14 февраля 2001 года представителями федеральных силовых структур. Он также установил, что в свете известных обстоятельств он должен быть признан умершим и что ответственность за его смерть несет Государство (см. пункт 84 выше). Однако истинные обстоятельства смерти Г-на Магомеда Докуева не было установлено. Суд отмечает, что, согласно утверждениям заявителей, жестокое обращение по отношению к их родственнику подтверждалось показаниями первого заявителя, который слышал крики его сына из близлежащей палатки. Однако это показание само по себе не позволяет Суду вне разумных сомнений установить, что родственник заявителей подвергся жестокому обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

105. Что касается жалоб относительно жестокого обращения к Г-ну Магомеду Докуеву, которое предположительно имело место в ходе задержания, Суд замечает, что заявители, кроме второго заявителя, были очевидцами задержания их родственника и видели, как военнослужащие пинали его и избивали прикладами автоматов. Он также отмечает, что согласно замечаниям Правительства, внутренним расследованием не было установлено, что Г-н Магомед Докуев стал объектом бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Суд отмечает, однако, что, не смотря на специальные запросы Суда, Правительство отказалось представить копии материалов уголовного дела (см. пункт выше), и считает, что может сделать соответствующие выводы из поведения Правительства.

106. Суд нашел установленным, что Г-н Магомед Докуев был задержан 14 февраля 2001 года сотрудниками Государства. Он также считает, что заявители дали показания достаточные при отсутствии опровержения, что он подвергался жестокому обращению в ходе задержания. Бремя доказывания или опровержения, таким образом, должно быть возложено на Правительство (см. пункт 78 выше). Утверждение Правительства, что следствие не нашло доказательств причастности спецслужб к похищению, недостаточно, для того чтобы освободить его от вышеуказанного бремени доказывания.

107. Суд повторяет, что жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, и в этом случае оно попадает в рамки Статьи 3. Оценка этого уровня состоит из следующего: взаимозависимость всех обстоятельств дела, то есть продолжительность такого обращения, физическое и/или психическое воздействие и, в некоторых случаях, пол, возраст и уровень здоровья жертвы (см., среди прочего, *Tekin v. Turkey* постановление от 9 июня 1998, § 52, *Reports* 1998-IV).

108. Представленные доказательства показывают, что утром 14 февраля 2001 года военнослужащие, которые ворвались в дом заявителей, силой вывели Г-на Магомеда Докуева во двор, пинали его и били прикладами автоматов. Суд считает, что это обращение достигло порога «жестокости и унижения», так как не только причинило Г-ну Магомеду Докуеву физическую боль, но он также должен был испытывать унижение, а также страх в связи с тем, что может с ним случиться в дальнейшем.

109. Учитывая отказ Правительства представить документы, которые находились в его исключительном владении и убедительно опровергнуть утверждения заявителей, Суд находит, что в данном случае имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении Магомеда Докуева.

3. Эффективность расследования

110. Суд отмечает, что заявители подняли вопрос относительно жестокого обращения со стороны сотрудников Государства перед следственными органами, когда описывал обстоятельства похищения Г-на Магомеда Докуева. Однако расследование не сделало никаких значимых результатов в этой связи.

111. По причинам, обозначенным выше в пунктах 89-98 относительно процедурного обязательства по Статье 2 Конвенции, Суд заключает, что Правительство отказалось провести эффективное расследование по факту жестокого обращения к Г-ну Магомеду Докуеву.

112. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 3 и в этом аспекте.

В. Нарушение Статьи 3 в отношении первого, второго и третьего заявителей

113. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального дистресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Среди важных составляющих – близость родственных связей, индивидуальные обстоятельства взаимоотношений, в каких рамках член семьи был свидетелем указанных событий, вовлеченность члена семьи в попытки получить информацию об исчезнувшем лице и способ, которым власти ответили на такие

запросы. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но скорее относится к реакции и позиции властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что сам является жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 358, 18 June 2002, и *Imakayeva*, цит. Выше, § 164).

114. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители - это родители и жена исчезнувшего лица. Первый и третий заявители были очевидцами его задержания, во время которого он подвергся жестокому обращению. Более семи лет заявители не получали никаких известий о нем. В течение этого периода заявители лично и письмами обращались в различные официальные органы с запросами о членах их семей. Несмотря на предпринятые ими усилия, заявители ни разу не получили правдоподобного объяснения или информации о том, что произошло с членами их семей после задержания. В ответах, полученных заявителями, по большей части отрицалась ответственность Государства за исчезновение их родственников либо просто сообщалось, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

115. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный дистресс и моральные страдания в результате исчезновения членов их семей и неспособности выяснить, что с ними произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

116. Из этого Суд делает вывод, что в отношении первого, второго и третьего заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

117. Далее заявители утверждали, что Г-н Магомед Докуев был задержан в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию".

118. Заявители настаивали, что задержание их родственника не подпадает под исключения, предусматриваемые Статьей 5 § 1 Конвенции.

119. По мнению Правительства в результате расследования не было получено явных доказательств того, что Магомед Докуев был задержан представителями Государства.

120. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что неизвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, no. 25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г., и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

121. Суд считает установленным, что Магомед Докуев был задержан агентами Государства 14 февраля 2001 года и отсутствует с тех пор. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальных сведений об их дальнейшем местонахождении и судьбе не имеется. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. Выше, § 371).

122. Суд также считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите родственников заявителей от риска исчезновения.

123. Следовательно, Суд считает, что Г-н Магомед Докуев подвергся неизвестному задержанию и был лишен гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

124. Заявители утверждали, что они были лишены доступа к суду, вопреки условиям Статьи 6 Конвенции, согласно которой

“Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом..”

125. Заявители не сделали дополнительных замечаний.

126. Правительство оспорило это утверждение.

127. Суд отмечает, что жалоба заявителей в связи со Статьей 6 касается тех же фактов, которые рассматривались в связи со Статьями 2 и 13. Также

необходимо отметить, что заявители не предоставили информацию, подтверждающую их предполагаемые намерения обратиться во внутренний суд для получения компенсации. Принимая во внимание эти обстоятельства, Суд не считает необходимым рассматривать часть жалобы в связи со Статьей 6 отдельно.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

128. Заявители утверждали, что исчезновение их сыновей после задержания властями вызвало у заявителей эмоциональный дистресс и моральные страдания, равносильные нарушению их права на семейную жизнь, охраняемого Статьей 8 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, предотвращение беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”

129. Заявители не сделали дополнительных замечаний.

130. Правительство оспорило это утверждение.

131. Суд отмечает, что эта часть жалобы касается тех же фактов, которые рассматривались в связи со Статьями 2 и 3. Принимая во внимание свои выводы относительно указанных положений, Суд не считает необходимым рассматривать эту часть жалобы отдельно.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

132. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении нарушений Статей 2, 3 и 5, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

133. Заявители утверждали, что имели только одно возможное средство эффективной защиты, а именно уголовное расследование. Однако в их случае оно оказалось неэффективным, что, в свою очередь, делало неэффективными все другие существующие средства правовой защиты..

134. Правительство возразило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что российские власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Расследование исчезновения их родственника было не закончено. Кроме того, заявители имели возможность обжаловать действия или бездействие следственных органов в суде, но не воспользовались этим средством защиты. Правительство сослалось на постановления судов относительно компенсации морального и материального ущерба, причиненного российскими военнослужащими на территории Северного Кавказа.

135. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни и за противоречащее Статье 3 обращение, что в частности предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Süheyla Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №№ 57942/00 и 57945/00, § 183, 24 февраля 2005 г.).

136. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по делу, возбужденному по факту насильственной смерти, было неэффективным, из-за чего была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

137. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 в связи со статьями 2 и 3 Конвенции в отношении Магомеда Докуева.

138. Относительно нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий первого, второго и третьего заявителей, вызванных исчезновением члена их семьи, их неспособностью установить, что с ним случилось и способом, которым власти рассматривают их жалобы, Суд отмечает, что уже установлено нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в отношении руководства органов власти, ответственных за страдания, вынесенные заявителями. Суд считает, что при данных обстоятельствах не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

139. Что же касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 5 Конвенции, Суд отмечает, что в свете сложившейся практики суда, согласно которой более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате неизвестного задержания, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

140. В своих замечаниях представленных в Суд после вынесения решения о приемлемости 29 ноября 2007 года заявители жаловались по Статье 34 Конвенции, что Государство вмешивалось в их право на подачу индивидуальной жалобы. Они сослались на протоколы допроса первого заявителя от 25 октября 2005 года и пятого заявителя 26 октября 2005 года, а также ответ из прокуратуры Чеченской Республики от 12 апреля 2006 года. Они жаловались на то, что хотя никто из них не отрицал факта подачи жалобы в Суд, протоколы допросов были сфальсифицированы и затем представлены

Правительством Суду вместе с запросом отклонить жалобу. Статья 34 Конвенции в соответствующей части гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, ... которое утверждает, что явилось жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права»

А. Доводы сторон

141. Правительство опровергло утверждения заявителей. Оно указало, что в ходе расследования первый и пятый заявители были допрошены относительно их жалобы в Суд. В ходе допроса 25 октября 2005 года первый заявитель указал, что ни он, ни члены его семьи не обращались в Суд, но он жаловался в правозащитные организации. Пятая заявительница, допрошенная 26 октября 2005 года, показала, что не обращалась ни в какие организации по факту похищения ее брата. Розысками ее брата занимался отец. Правительство пояснило, что в ответе от 12 апреля 2006 года прокуратура Чеченской Республики сослалась на два протокола допросов первого заявителя от 21 и 26 октября 2005 года, в ходе которых вопросы о жалобе заявителей в Суд ему не задавались. Правительство утверждало, что все протоколы допросов были достоверны и соответствовали показаниям заявителей, сделанным в ходе допроса. Оно заявило, что не препятствовало праву заявителей на подачу индивидуальной жалобы по Статье 34 Конвенции.

142. Заявители повторили свою жалобу. Первый и пятый заявители настаивали на том, что никогда не отрицали, что подавали жалобу в Суд. Согласно их мнению, следователь записал в протоколе допроса утверждения, которые сами заявители не делали, и затем ввел их в заблуждение, когда подписывал протокол. Они также подчеркнули, что хотя первый заявитель жаловался в прокуратуру Чеченской Республики на протокол его допроса от 25 октября 2005 года, прокуратура отказалась рассмотреть его заявление и вместо этого сослалась на допросы от 21 и 26 октября 2005 года. Заявители отстаивали свое мнение, что Правительство отказалось выполнить свое обязательство по Статье 34 Конвенции.

В. Оценка Суда

143. Суд повторяет, что для эффективности системы подачи индивидуальной жалобы по Статье 34 имеет исключительно важное значение то, что заявители или потенциальные заявители должны иметь возможность свободного доступа к Суду без какого-либо давления на них со стороны властей, чтобы отозвать или изменить их жалобы (см., помимо прочего, *Akdivar and Others v. Turkey*, цит. выше, § 105, и *Aksoy v. Turkey*, постановление от 18 декабря 1996, *Reports* 1996-VI, p. 2288, § 105). В данном контексте «давление» включает не только прямое принуждение и явные акты запугивания, но и другие ненадлежащие непрямые действия или контакты, предпринятые с целью разубедить или разуверить заявителей от обращения к средствам правовой защиты Конвенции (см. *Kurt v. Turkey*, постановление от 25 мая 1998, § 159, *Reports* 1998-III).

144. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд находит, что нет доказательств, которые бы показывали, что протоколы допросов первого и

пятого заявителей от 25 и 26 октября 2005 года соответственно были сфальсифицированы. Оба протокола были подписаны первым и пятым заявителями и содержали отметку, что они прочитали протоколы, и эта отметка была сделана заявителями собственноручно. Не было заявлений, что их подписи были подделаны. Суд находит утверждение первого заявителя о том, что он подписал протокол допроса, не прочитав его, так как «доверял следователю», и позднее обнаружил, что в протоколе содержались показания, которые он не давал, недостаточным, чтобы сомневаться в правдоподобности протокола. Следовательно, Суд удовлетворен тем, что протоколы допросов от 25 и 26 октября 2005 года содержат подлинные подписи первого и пятого заявителей.

145. Далее Суд должен рушить, был ли факт того, что первому и пятому заявителям задавались вопросы относительно подачи жалобы в Европейский Суд, совместим со Статьей 34 Конвенции.

146. Суд повторяет, что в деле *Akdivar and Others* (цит. выше, §§ 104-105) он уже находил, что при проведении расследования, в контексте допроса заявителей о поданных ими в соответствии с Конвенцией жалобах, это зависит от того, оказывалось ли при данной процедуре давление, которое может считаться формой незаконного и неприемлемого давления, мешающего осуществлению права на индивидуальное обращение. В то же время в деле *Imakayeva* (цит. выше, § 206) Суд нашел, что при допросе заявительницы относительно подачи жалобы в Суд, не было достаточного материала для вывода о том, что Правительство государства-ответчика также нарушило свои обязательства по Статье 34 Конвенции, так как заявительница не сослалась на конкретные угрозы или другие попытки разубедить ее от обращения в Суд.

147. В настоящем деле заявители не делали никаких заявлений о каком-либо давлении, оказывавшемся на них в связи с подачей жалобы в Суд. Напротив, они отрицали, что им задавались вопросы по данному поводу. В то же время, из протоколов следует, что вопросы относительно факта подачи жалобы в Суд имели место в ходе допросов первого и второго заявителей.

148. Суд отмечает, что сами протоколы допросов, имеющих в его распоряжении, не содержат вопросы относительно жалоб заявителей. Согласно этим протоколам, в ходе допроса первый заявитель утверждал, что лично не подавал жалобу в Суд, но обращался в правозащитные организации. Пятая заявительница утверждала, что она лично не обращалась ни в какие организации, в том числе в Суд, так как розысками ее брата занимался первый заявитель. Суд замечает, что интерпретация ответов заявителей могла быть двоякой. Они могли означать отрицание самого факта подачи жалобы в Суд, вероятно, потому что они не хотели извещать власти об этом на данном этапе. Их ответы могли также быть интерпретированы и таким образом: они не подавали жалобу в Суд лично, но через посредничество представителей. Однако, Суд не находит необходимым решать подробности интерпретации ответов заявителей, так как, в любом случае, эти материалы не содержат доказательств того, что первому и пятому заявителю угрожали, или они стали объектами каких-либо иных форм давления в связи с тем, что обратились с жалобой в Суд.

149. Суд отмечает, что в ответе от 12 апреля 2006 года из прокуратуры Чеченской Республики сделана ссылка на протоколы допросов первого заявителя от 21 и 26 октября 2005 года, в которых не содержатся упоминания о его жалобе в Суд. Отказ прокуратуры говорить о протоколе допроса первого заявителя 25 октября 2005 года создает путаницу в определении содержания допроса, особенно принимая во внимание запрос Правительства исключить

жалобу из списка Суда (см. пункт 55 выше). Однако, в обстоятельствах данного дела, этот отказ сам по себе не поднимает отдельного вопроса по Статье 34 Конвенции.

150. Следовательно, Суд находит, что нет достаточного материала для вывода о том, что Правительство государства-ответчика нарушило свои обязательства по Статье 34 Конвенции.

IX. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (А) КОНВЕНЦИИ

151. Заявители утверждали, что непредставление Правительством запрошенных Судом документов на этапе коммуникации указывало на несоблюдение обязательств, налагаемых Статьей 38 § 1 (а) Конвенции, которая гласит:

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия.

...”

152. Заявители обратились к Суду с просьбой признать, что отказ Правительства предоставить копии всех материалов уголовного дела по запросу Суда несовместим с обязательствами Государства, налагаемыми Статьей 38 Конвенции.

153. Правительство повторило, что предоставление материалов дела противоречило бы Статье 161 УПК.

154. Суд напоминает, что при рассмотрении определенного рода жалоб не всегда возможно строгое применение принципа, согласно которому лицо, утверждающее что-либо, должно доказать свои утверждения, и что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечивали все необходимые материалы для тщательного и эффективного рассмотрения жалоб.

155. В исполнение данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или выполняет свои обязанности общего характера по рассмотрению жалоб. Для процессов такого рода, где индивидуальные заявители обвиняют агентов Государства в нарушении их охраняемых Конвенцией прав, характерно то, что в некоторых случаях лишь у Государства-ответчика имеется доступ к сведениям, которые могут подтвердить или опровергнуть эти заявления. Непредставление Правительством имеющейся в его распоряжении информации без удовлетворительного объяснения может не только дать основание считать утверждения заявителя обоснованными, но и негативно повлиять на мнение Суда относительно степени соблюдения Государством-ответчиком его обязательств согласно Статье 38 § 1 (а) Конвенции. В случае, когда заявитель ставит вопрос о неэффективности расследования, материалы уголовного дела имеют фундаментальное значение для установления фактов, а отсутствие таких материалов может помешать адекватному рассмотрению жалобы Судом как на стадии приемлемости, так и на стадии принятия решения по существу (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 71, ECHR 1999-IV).

156. Суд отмечает, что, несмотря на неоднократные просьбы о предоставлении копий материалов уголовного дела, открытого по факту исчезновения родственника заявителей, Правительство отказалось предоставить эти материалы, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ. Суд указывает на то, что в своих прошлых постановлениях уже признал такие объяснения недостаточными для обоснования отказа предоставить материалы дела (см., помимо прочего, *Imakayeva*, цит. выше, § 123).

157. Ссылаясь на важность сотрудничества государства-ответчика с Судом в ходе рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения Конвенции и учитывая трудность установления фактов в делах такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило своих обязательств согласно Статье 38 § 1 Конвенции из-за непредставления копий запрошенных документов, относящихся к исчезновению Г-на Магомеда Докуева.

X. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

158. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение материального ущерба

159. Третья заявительница утверждала, что понесла ущерб в виде потери заработков мужа после его похищения и последующего исчезновения. По этому основанию она запросила 621,419.25 рублей (примерно 17,160 евро) для себя и своего сына.

160. Она сослалась на положения Гражданского Кодекса, согласно которому расчеты заработка безработного делаются на основе минимального прожиточного уровня, установленного национальным законодательством. Заявительница утверждала, что она и сын могли полагаться на его финансовую поддержку ее мужа и рассчитывать на 50% его заработков (30% для самой заявительницы и 20% для сына). Ее расчеты основаны на актуарных таблицах для исчисления компенсационных выплат при травматизме и смертности от несчастных случаев, опубликованных Государственным актуарным департаментом Великобритании в 2007 году («Огденские таблицы - Ogden tables»).

161. Правительство заявило, что материальный ущерб не должен быть возмещен третьей заявительнице, поскольку факт смерти ее мужа не был установлен. Кроме того, первой заявительнице следовало обратиться во внутригосударственный суд с требованием компенсации за потерю кормильца.

162. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Кроме того, согласно Правилу 60 Регламента Суда любое требование справедливой компенсации должно быть детализировано и представлено в письменном виде вместе с необходимыми подтверждающими документами или свидетельствами, «при отсутствии которых, Палата может частично или полностью отклонить требование».

163. Суд полагает, что действительно существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении мужа третьей

заявительницы и потерей ею финансовой поддержки, которую он мог бы ей обеспечить. Суд находит, что потеря заработков также касается несовершеннолетних детей, и что вероятно заключить, что Г-н Магомед Докуев мог бы в будущем найти работу и оказывать финансовую поддержку третьей заявительнице и ее сыну (см. среди прочего *Imakayeva*, cited above, § 213). Принимая во внимание требования третьей заявительницы и тот факт, что Г-н Магомед Докуев был безработным на момент похищения, Суд присуждает ей 5,000 евро в качестве возмещения материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

164. Заявители потребовали следующие суммы в качестве компенсации морального вреда за страдания, причиненные им в результате потери члена семьи, проявленного властями безразличия и непредставления сведений о судьбе их близкого родственника. Первый и второй заявители потребовали 30,000 (тридцать тысяч) евро каждый, третий заявитель потребовал 40,000 (сорок тысяч) евро, четвертый и пятый заявители потребовали 7,500 (семь тысяч пятьсот) евро каждый и шестой и седьмой заявители потребовали 2,500 (две тысячи пятьсот) евро каждый.

165. Правительство сочло запрошенную сумму компенсации завышенной.

166. Суд признал нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания, жестокого обращения и исчезновения родственника заявителей. Первый, второй и третий заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание тесные семейные узы первого, второго, третьего, четвертого и пятого заявителей с Г-ном Магомедом Докуевым, Суд признает, что им был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает этим заявителям по 35,000 евро плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

167. Принимая во внимание указанные выше требования близких родственников Магомеда Докуева о компенсации морального вреда, Суд отклоняет требования шестого и седьмого заявителей, его дяди и двоюродной сестры, и не присуждает им никакой компенсации в рамках этого дела.

С. Издержки и расходы

168. Заявители были представлены организацией «Правовая инициатива по России». Они представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов для Суда и органов государственной власти по ставке 50 евро в час для юристов организации «Правовая инициатива по России» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела заявителей составила 9,758.25 евро.

169. Правительство не оспаривало отдельные пункты поданной заявителями сметы, но указало, что расходы подлежат возмещению только в том случае, если будет подтверждено, что они фактически имели место и их сумма была разумной (см. *Skorobogatova v. Russia*, no. 33914/02, § 61, 1 декабря 2005 года). Правительство также выдвинуло возражение по поводу того, что

требования представителей заявителей частично относились к работе не тех юристов, чьи подписи стояли под первыми замечаниями этой заявительницы.

170. Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми и разумными (см. *Iatridis v. Greece* (справедливое удовлетворение) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI).

171. Принимая во внимание детализацию представленных сведений, Суд считает указанные ставки оплаты разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

172. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако Суд отмечает, что дело не требовало подготовки большого объема документов в связи с отказом Правительства предоставить материалы уголовного дела. Поэтому Суд сомневается в необходимости проведения исследовательской работы в объеме, указанном представителями заявителей.

173. Что касается возражений Правительства, Суд отмечает, что заявителей представляла организация «Правовая инициатива по России». Суд считает установленным, что юристы, указанные в требовании, являлись штатными сотрудниками организации «Правовая инициатива по России». Поэтому возражение Правительства отклоняется.

174. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и действуя на равноправной основе, Суд присуждает им сумму в размере 8000 (восемь тысяч) евро за вычетом 850 евро в счет официальной судебной помощи в рамках Европейского суда плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов.

175. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Магомеда Докуева;
3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции относительно неспособности провести эффективное расследование обстоятельств, при которых Магомед Докуев исчез;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении Магомеда Докуева;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции относительно неспособности провести эффективное расследование жестокого обращения с Магомедом Докуевым;

6. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении первого, второго и третьего заявителей в связи с их душевными страданиями;

7. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Магомеда Докуева;

8. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 6 Конвенции;

9. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 8 Конвенции;

10. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 2 и 3 Конвенции в отношении Магомеда Докуева;

11. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 5 Конвенции и Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;

12. *Устанавливает*, что не имеет место несоблюдение Статьи 34 Конвенции в отношении жалоб первого и пятого заявителей;

13. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Правительства предоставить запрошенные Судом документы;

14. *Постановляет*

(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:

(i) EUR 5,000 (пять тысяч евро), плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в рублях по курсу на дату выплаты, в качестве компенсации материального ущерба третьему заявителю;

(ii) EUR 35,000 (тридцать пять тысяч евро), плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в рублях по курсу на дату выплаты, в качестве компенсации морального вреда первому, второму, третьему, четвертому и пятому заявителям вместе;

(iii) EUR 7,150 (семь тысяч сто пятьдесят евро), плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве покрытия расходов на счет представителей в банке Нидерландов;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

15. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 2 апреля 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь Секции

Кристос Розакис, Председатель